

УДК 371

ББК Т.3(2)614

ГСНТИ 03.01.45

Код ВАК 13.00.02

Т.П. Днепрова

Екатеринбург

УРОКИ КОНТРРЕФОРМЫ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ И ПЕДАГОГИКИ (КОНЕЦ 20-Х – 30-Е ГГ.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: контрреформа, советская школа, педагогика, идейно-политическая интолерантность.

АННОТАЦИЯ: В статье раскрывается суть контрреформы советской школы и педагогики 30-х годов, которая была отражением жесткой детерминации образования государственной политикой, основанной на идейно-политической интолерантности.

T.P. Dneprova

Yekaterinburg

LESSONS OF COUNTER-REFORM OF SOVIET SCHOOL AND PEDAGOGIC (END OF 20-TH – 30-TH YEARS)

KEY WORD: counter-reform, soviet school, pedagogic, ideal and political intolerance.

ABSTRACT: In this article is presented the main point of counter-reform of soviet school and pedagogic of 30-th years, which had strong determination of education by state politic, which was based on ideal and political intolerance.

Актуализация историко-педагогического знания, на наш взгляд, помогает определить и диагностировать состояние современного отечественного образования, которое вызывает беспокойство всей педагогической общественности. В ситуации, когда учебные заведения сегодня должны пройти различные «аттестации» и «аккредитации», неукоснительно выполняя требования правительственных директив, чтобы не попасть в список «неэффективных» образовательных учреждений, необходимо обратиться к отдельным поучительным «страницам» нашего прошлого. Например, к одному из периодов советской истории, когда существовала жесткая детерминация образования государственной политикой, не имеющая научного и нравственного обоснования. Так радикальные изменения в жизни советского общества в конце 20-х

– 30-х гг. непосредственно отразились на системе образования и педагогической науке.

За десять первых лет советской власти были подготовлены новые научно-педагогические кадры методом «ударной возгонки» (термин того времени), отличающиеся своей коммунистической идейностью и партийной преданностью. В основном, этот процесс осуществлялся через систему «выдвиженчества» – привлечения в ряды студентов представителей рабоче-крестьянских слоев населения, слабо подготовленных, но способных к быстрому «овладению большевизмом». В соответствии с этим, в конце 20-х гг. усиливается давление на представителей «старой» интеллигенции, высказывается недоверие к ней. В 1928 г. была начата «кампания перевыборов всех профессоров» в вузах, т.е. «чистка» старого профессорского корпуса и замена его на «красную профессуру». В дилемме социальное происхождение и идеологическая подготовка или общая культура и профессиональная квалификация власти отдавали явное предпочтение первому элементу, что в дальнейшем привело к резкому снижению культурного и профессионального уровня научно-педагогических кадров, послушно выполнявших «социальный заказ» правительственных указаний.

В отчете Наркомпроса за 1928-1929 гг. отмечалось, что темп подъема народного образования, был совершенно недостаточным [3. С. 569]. В этой ситуации требовалась «новая реформа», целью которой ставилась реализация идеи, обеспечивающей «выработку коммунистического мировоззрения» уже на начальных этапах обучения детей. Следовательно, особое внимание необходимо было обратить на общественно-политическое воспитание учащихся через детские организации (октябрятскую и пионерскую). В резолюции VIII съезда ВЛКСМ «О работе ВЛКСМ среди детей» (май, 1928 г.) указывалось на усиление «вербовки» детей в ряды «пионерорганизаций» и оказание помощи комсомолу в работе с пионерами.

В то же время, предполагалось уделить должное внимание «постановке» преподавания в школах обществоведения с марксистско-ленинской позиции. С 1928 г. до 1931 г. развернулась педагогическая дискуссия, направленная на «борьбу против искажения марксизма в педагогике». Все это свидетельствовало об ужесто-

чении идеологического давления на педагогическую науку, школу и образование в целом.

В этот период происходят изменения в руководстве Наркомпроса. Смещается с поста нарком просвещения А. В. Луначарский (1929), позднее увольняются его единомышленники по единой трудовой школе. Впоследствии они будут репрессированы, обвиненные в «левацком прожектерстве». Председателем Наркомпроса становится профессиональный военный А. С. Бубнов, призывавший учителей к непримиримой классовой борьбе с «кулацко-нэпмановскими» (термин того времени) элементами в системе образования. Одновременно была принята установка на «усиление рабочего и бедняцко-средняцкого ядра в высшей школе вообще, а в индустриально-технической и педагогической школе особенно» [3. С. 570]. К началу 30-х гг. Наркомпроиз органа, ведущего разработку методологии образования, превращается в орган надзора, контроля и проводника решений партийных директив.

Постановления ЦК ВКП(б) 30-х гг. о школе содействовали становлению советской авторитарной школы и педагогики. Первым из них было постановление «О начальной и средней школе» (25 августа, 1931), которое имело подлинно историческое значение. Оно было принято при «прямом личном руководстве» Сталина и положило начало знаменательным переменам в школьной политике – контрреформе образования по отношению к начальному этапу советской власти, который представлял собой смешение радикализма, консерватизма и либерализма.

В постановлении были обозначены главные проблемы школы – недостаточный объем общеобразовательных знаний (твердых знаний), которые дает школа, и «неудовлетворительная подготовка грамотных людей, хорошо владеющих основами наук» (физика, химия, математика, родной язык, география и др.). Требовалось, чтобы все программы по этим наукам были пересмотрены в соответствии с «научно-марксистской» точкой зрения, а партийным организациям необходимо «взять под непосредственное наблюдение постановку преподавания общественно-политических дисциплин» [1.С. 158].

Устанавливался государственно-партийный контроль за школой и содержанием образования. Демократические начала в школе и право учителей на творчество урезались в связи с осужде-

нием «легкомысленного методического прожектерства», в частности метода проектов. Основной формой организации учебной работы в начальной и средней школе становится урок со строго определенным расписанием занятий (Постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» 1932 г.). Наркомпросу рекомендовалось «обеспечить осуществление единоначалия в управлении школой». И самое важное, что положило начало развязыванию преследования «инакомыслия», в постановлении требовалось вести систематическую борьбу в системе образования с «правооппортунистическими искажениями политики партии» и с «левооппортунистическими извращениями». Таким образом, усиливалась своеобразная *«идейно-политическая интолерантность»* в системе образования и педагогической науке, а школа становилась в центре внимания государственно-партийных органов, находясь лично под контролем И. В. Сталина.

В соответствии со сталинской концепцией «усиления классовой борьбы по мере продвижения социализма» ареной этой борьбы становятся семья и школа, где семья заведомо рассматривалась как вредная среда. Еще в 1929 г. А. Я. Вышинский, будучи заместителем наркома просвещения, достаточно ясно сформулировал новые задачи взаимодействия семьи и школы: «Школа должна употребить все усилия, чтобы *оторвать* детей нетрудового населения от идеологии своего класса. Школа должна помочь этим детям в случае конфликтов с идеологически чуждой им семьей, противостоять семье...» [2. С. 30]. Отсюда, происходит противопоставление общественного воспитания семейному, не в пользу последнего, сопровождающееся политикой «натравливания» детей на родителей.

В школе усиливается идеологический контроль за деятельностью учителей, причем вовлекаются в слежку за педагогами сами учащиеся. В начале 30-х гг. «главный идеолог» сталинского режима А. А. Жданов требовал, чтобы для педагогов, которые не разделяют взгляды коммунистов, «создать такую обстановку, при которой пионерская и комсомольская организации могли любой неправильный тон (учителей) улавливать сами» [2. С. 30]. Следовательно, поощряется доноительство, создается «иезуитская» система воспитания подрастающего поколения, при которой донос становится проявлением бдительности и морально одобряемым

поступком. В свою очередь, и недонесение становится преступлением, появляется даже особая статья в Уголовном кодексе по этому поводу.

В эти годы складывается своеобразная кооперация НКВД и партийных органов («партячек»), которые были созданы в каждом учебном заведении. Современные исследователи истории образования (В. П. Киселев) ссылаются на документ под названием «Плановая постановка политинформации в партячках» (Памятка политинформатору), который определяют как специальную инструкцию по отслеживанию «врагов», опасных для власти людей в студенческой и преподавательской среде [4. С. 95]. Парткомы первичных парторганизаций, тем самым, втягивались в разоблачительную деятельность и становились своеобразными филиалами местных органов НКВД.

Требования тотального режима вести бдительный контроль за преподаванием в школе сопровождались директивами по незамедлительному созданию «стабильных учебников». Постановлениями ЦК ВКП (б) «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933), «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» (1934) были осуждены «динамичные» и «рассыпные» учебники, «краевые» учебники и книги, «рабочие книги». В соответствии с этим, устраняется разнообразие форм педагогического творчества. К тому же, введение стабильных учебников с идеологической направленностью способствовали формированию культуры личности И.В. Сталина. Тоталитарной системе нужен был преданный коммунистическим идеалам человек, коллективист, обладающий краткими, но твердыми знаниями различных наук, прочно усвоенными (для получения дальнейшего профессионального образования разных уровней) и *идеологически выверенными*, готовый к труду и обороне социалистического отечества от «врагов» как внешних, так и внутренних. С 30-х гг. усиливается пропаганда скорой войны с «враждебным» капиталистическим миром. По сути, школа становится учреждением с жестким бюрократическим режимом, твердой дисциплиной и военно-патриотическим воспитанием.

Для педагогической науки самым трагичным было постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе

Наркомпросов» (4 июля, 1936). В постановлении были противопоставлены педагогика и педология. Педологию обвинили в «ложнонаучных» и «антимарксистских» подходах в руководстве школой и учебно-воспитательной работе с учащимися. Клеймили педологию за некритическое перенесение в советскую педагогику взглядов «антинаучной буржуазной педологии», за «сомнительные эксперименты над детьми» и «проповедь вредных» положений о «фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды» [1. С. 174]. Так как все это находилось в противоречии с марксизмом и со всей практикой социалистического строительства. Рекомендовалось «ликвидировать звено педологов в школах и изъять педологические учебники... упразднить преподавание педологии как особой науки» (Там же). С разгромом педологии образование лишилось важного – опоры на целостное и всестороннее изучение ребенка. Но главное заключалось в том, что концепция педологов уже не вписывалась в идеологические рамки официальной политики. Советской стране нужны были не личности и индивидуальности (сфера деятельности педологической науки), а идейно преданные, одинаковые и ординарные члены коллектива нового социалистического государства. Так проблема «исключительного детства» – одаренных и «трудных» детей стала вызывать сначала недоумение, а потом и возмущение блюстителей классовой идеологии. С позиции господствующей коммунистической идеологии педология становится ненужной, вредной «лженаукой».

После постановления все педологические исследования были прекращены, многие ученые-педагоги были репрессированы, среди них оказались А. П. Пинкевич, М. М. Пистрак, И. В. Ионин, А. К. Гастев. Отдельные ученые, не выдержав психологического пресса властей, скончались: М. Я. Басов (1931), С. Т. Шацкий (1934), Л. С. Выготский (1934), С. С. Моложавый (1936), А. Б. Залкинд (1936). Уничтожение (физическое, моральное, психологическое) педологии привело к забвению на долгие годы имен этих выдающихся ученых и организаторов народного образования. На десятилетия был наложен запрет на изучение влияния наследственных факторов на поведение и здоровье ребенка, роли социальной среды в формировании личности ребенка (социальная педаго-

гика), а после провозглашения победы социализма в советской стране (1937), возникла тенденция замалчивания социальных проблем – «пережитков буржуазного прошлого». Педагогическая наука становилась предельно политизированной и «бездетной».

Можно сказать, что впервые со времен Средневековья началось массовое физическое искоренение любого инакомыслия, интеллектуальной свободы, критического мышления, творческой деятельности, неугодной сталинскому режиму. В стране складывалась ситуация всеобщей подозрительности, страха и интолерантности, особенно к интеллигенции (ученым, педагогам, врачам, писателям и др.). Не случайно становится популярным словосочетание «гнилая интеллигенция», формируется образ интеллигента как вечно сомневающегося, физически слабого и «социально чуждого элемента». Интеллигенция уничижительно именовалась как «прослойка», находящаяся между двумя классами. Представители интеллигенции рассматривались как люди, занимающиеся умственным трудом, а пропагандистская кампания советской власти насаждала общественному сознанию важность материального, физического труда рабочего, тем самым принижая роль духовных ценностей и значимости интеллектуальной деятельности.

Действительно, для советского тоталитарного режима опасны были профессионально компетентные, самостоятельно мыслящие и тонко чувствующие люди, которые видели и понимали ложность коммунистической идеологии, весь чудовищный смысл происходящего в стране произвола и преступления. Недаром замечательный философ М. К. Мамардашвили писал о значении для общества интеллигенции, которая «осознавала себя в качестве носителя всеобщей совести общества, в качестве его *«всеобщего чувствилища»*, в котором сходятся все нити чувствования и критического самосознания остальных частей общественного организма, лишённого без нее и голоса и слуха» [5. С. 3]. К сказанному можно добавить, что интеллигенция, создающая духовные ценности, является олицетворением культуры общества, ее «живым носителем» и хранителем, непосредственным участником процесса культурной трансмиссии. Ещё в XV веке философ Николай Кузанский отмечал, что в качестве единого мир определяется «интеллигенцией», которую он именовал «собирающим смыслом» [6. С. 435].

Поэтому одним из главных направлений сталинских репрессий были культура, наука и образование.

Если начальный этап советской школы и педагогики характеризовался *классовой нетерпимостью*, то сталинская школа и педагогика определялась *социалистической интолерантностью* (непримиримостью) «советского патриотизма», которая внедрялась в сознание подрастающего поколения, формируя антиномию: «Мы – Они», «Свои – Чужие», «Наши – Не наши».

Сегодня мы живем в другое время. Однако иногда в настоящем мы находим отдельные аналогии с этим прошлым нашей Родины. Поэтому периодически надо «честно вглядываться в прошлое» и понимать, что амнезия очень опасное явление.

Источники:

1. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. док. 1917-1973 гг. / сост. А. А. Абакумов [и др.]. М.: Педагогика, 1974.

Литература:

2. Днепров, Э. Д. Современная школьная реформа в России. М.: Наука, 1998.

3. Жидков, В. С. Десять веков российской ментальности. СПб.: Алетейя, 2001.

4. Киселев, В. П. Горьковский педагогический институт в стихии классовой борьбы // Школа совет.общ-ва: опыт полит. истории. Н. Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 1997.

5. Мамардашвили, М. К. Медиум или всеобщее чувствилище? // Лит. Газета. 1996, 17 июля.

6. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М.: Совет.энцикл., 1983.